

Для обеда они выбрали уютный ресторан традиционной китайской кухни, оформленный под старину. Когда Сы Уцзюэ сел за столик, Янь Чуаньюнь показалось, что его спутник идеально вписывается в этот интерьер.

Казалось, этот благородный исторический колорит — естественная среда для Сы Уцзюэ, в которой он растворялся без остатка, становясь частью единого изысканного полотна.

Подаваемый здесь чай уступал тому, что предлагали в специализированных чайных домах, но всё же был весьма недурен. Янь Чуаньюнь заворожённо наблюдал за тем, как Сы Уцзюэ наливает напиток — плавно, изящно, словно совершая священный ритуал. То, как он держал пиалу и делал глотки, лишь укрепляло Чуаньюня в мысли: этот человек должен был родиться много веков назад.

Поставив пиалу, Сы Уцзюэ перевёл разговор на дела.

— Вы хотите основать базу для выращивания лекарственных трав? — тут же оживился Янь Чуаньюнь. — Это благородное дело, от которого выиграет и государство, и простой народ. Я, разумеется, только за. Но где вы планируете её обустроить? В Столице земли хватает, однако найти участок, действительно пригодный для выращивания редких целебных растений...

Остаток фразы Янь Чуаньюнь озвучивать не стал — Сы Уцзюэ и так всё прекрасно понимал.

— Мне нужен лишь достаточно просторный участок, — спокойно ответил Сы Уцзюэ. — А качество почвы — не проблема, у меня есть способ его улучшить.

Янь Чуаньюнь удивлённо приподнял брови, но затем, о чём-то подумав, посерьёзnel и искренне произнёс:

— Сы Уцзюэ, превратить обычную землю в плодородные угодья для целебных трав — это поистине невероятное чудо. Если об этом пронюхают негодяи, жди беды. Наверняка найдутся те, кто попытается всеми силами вывести у вас секрет, причём прикрываясь самыми благородными лозунгами о благе родины. На кону будут стоять такие колоссальные деньги, что многие просто потеряют рассудок от жадности.

Сы Уцзюэ качнул головой:

— Подлинный рецепт не узнает никто в этом мире, кроме меня. Однако у меня есть более простой, облегчённый вариант. Он тоже восстанавливает истощённую почву, хоть и не так радикально. Если регулярно орошать землю этим составом, любой пустырь со временем превратится в благодатное поле, идеальное для лекарственных культур. Эту формулу скрывать незачем, я намерен передать её государству.

Янь Чуаньюнь изумлённо переспросил:

— Передать государству?

— Именно. А что власти будут делать с ней дальше — зарабатывать миллиарды или субсидировать фермеров — меня не касается.

— Сы Уцзюэ, вы хоть представляете, какую умопомрачительную прибыль может принести такой патент? Отдав его даром, вы лишитесь астрономических сумм!

— Ты и вправду считаешь это потерей? — загадочно прищурился Сы Уцзюэ.

Янь Чуаньюнь на пару секунд задумался, а затем покачал головой:

— Нет, пожалуй, вы правы. Это не потеря. В краткосрочной перспективе мы упустим колоссальные деньги, но в долгосрочной — вы обретёте абсолютную неприкосновенность. Возьмём хотя бы ту же семью Лю, о которой я упоминал. Как только этот рецепт окажется у правительства, вы сможете отказать им прямо в лицо — и я гарантирую, они и пальцем вас тронуть не посмеют. Если вы мне доверяете, позвольте мне самому заняться этим делом. Раз уж мы безвозмездно передаём стране такое сокровище, нужно обставить всё так, чтобы высшее руководство до гробовой доски помнило вашу щедрость. Мы создадим вам такую репутацию и защиту, что никто в Поднебесной не посмеет принуждать вас к тому, чего вы делать не хотите.

Сы Уцзюэ чуть заметно улыбнулся.

— Тебе я верю беспрекословно. Занимайся.

— Что касается земли — это сущие пустяки, — продолжил Янь Чуаньюнь. — Причём, я полагаю, нам даже не придётся тратить на её аренду или выкуп. Вы дарите стране революционную технологию, отказываясь от миллиардов. Государство просто не имеет права забирать такой дар за бесценок, верно? Какая-то земля под базу... Уверен, правительство с радостью выделит отличный участок в качестве ответного жеста благодарности.

Всё-таки Янь Чуаньюнь был прирождённым дельцом и умел просчитывать выгоду до последнего юаня.

Сы Уцзюэ одобрительно кивнул:

— Согласен.

Вскоре принесли заказ. Сидеть за одним столом с человеком, к которому тянулось всё его существо, было невероятным удовольствием, и Янь Чуаньюнь обедал в самом благостном расположении духа.

Покончив с трапезой и немного передохнув, они поднялись и направились к выходу. Но стоило им подойти к дверям, как сбоку вынырнула шумная компания. Шедший во главе мужчина деланно изумился:

— О, генеральный директор Янь! Какая встреча!

Янь Чуаньюнь скользнул по нему холодным взглядом. Это был Чжан Ячэн, младший брат Чжан Жуйя. Как и Чуаньюнь, он занимался бизнесом, и они давно недолюбливали друг друга. Сферы деятельности их компаний во многом пересекались, порождая жёсткую конкуренцию, в которой Янь Чуаньюнь неизменно выходил победителем. Естественно, Чжан Ячэн из-за этого исходил желчью.

Пока Чжан Жуйя числилась невестой его старшего брата Янь Ханя, семьи поддерживали тёплые отношения, и Чжан Ячэн сдерживал свой скверный нрав, ограничиваясь редкими колкостями.

Но стоило Янь Ханю подорваться на службе, поставив всю семью Янь под удар, как Чжан Жуйя тут же разорвала помолвку и выскочила замуж за Цзян Чао. В тот момент Чжан Ячэн отбросил всякое приличие: он бесстыдно увёл у Концерн Янь два крупнейших контракта, надеясь окончательно добить тонущего конкурента. Однако Янь Чуаньюнь оказался умнее. В самый критический момент он запустил два грандиозных проекта государственного масштаба, тем самым связав руки политическим противникам своей семьи и не дав им сожрать семью Янь.

Разумеется, Концерн Янь не просто устоял под натиском Чжанов, но и взлетел на недостижимую высоту. Чжан Ячэн от такой несправедливости едва не лопался от злости.

Последней же каплей стали недавние слухи. Теперь весь высший свет Столицы знал: крах Янь отменяется. Почти безнадёжный калека Янь Хань чудесным образом исцелился и со дня на день возвращался в элитные войска, вновь обеспечив клану военную опору. Мало того — дядя Янь Тинцзюнь, которого из-за тяжёлой, казавшейся смертельной болезни уже списали со счетов и лишили карьерных перспектив, тоже пошёл на поправку. Теперь он каждое утро бодро отправлялся в министерство, демонстрируя отменное здоровье, которому позавидовали бы и юноши. Разумеется, ни о какой досрочной отставке не шло и речи; напротив, перед Тинцзюнем маячило скорое повышение. Ну и как при таком раскладе сокрушить семью Янь?

Все эти новости заставляли Чжан Ячэна скрежетать зубами от бессильной ярости. Ситуацию усугубляло и то, что пару дней назад его старшая сестра Жуйя прибежала домой вся в слезах после очередной безобразной сцены. Пьяный Цзян Чао набросился на неё с допросами: мол, не жалеет ли она, что променяла героя Янь Ханя на него? И хотя Жуйя клялась, что нет, супруг в пьяном угаре поднял на неё руку. Чжан Ячэн, разумеется, винил во всех бедах проклятых Яней.

Янь Чуаньюнь обставлял его с самого детства. Ячэн спал и видел, как сбросит этого выскочку с пьедестала, и когда победа казалась близкой как никогда, триумф бесцеремонно вырвали у него из-под носа. Что может быть мучительнее, чем наблюдать за крахом собственной заветной

мечты?

Отношения между семьями были разрушены бесповоротно. Терять было нечего, и теперь при любой встрече Чжан Ячэн так и норовил излить на Янь Чуаньюня ушат яда и желчи.

— Что, генеральный директор Янь, вывели в свет своего маленького любовника? — с неприкрытой злобой процедил Чжан Ячэн.

Как представитель семьи Чжан, он прекрасно знал, кому клан Янь обязан своим чудесным спасением. И хотя лица Сы Уцзюэ он раньше не видел, досье на таинственного лекаря у него имелось. Да и длинные, шелковистые волосы — визитная карточка доктора — не оставляли сомнений, кто стоит перед ним. Своей гнусной провокацией Чжан Ячэн преследовал простую цель: разозлить гостя. Доктор Сы славился скверным и гордым нравом; если бы он оскорбился тем, что рядом с Янь Чуаньюнем его принимают за дешёвую содержанку, это могло бы навсегда рассорить его с семьёй Янь.

А дружба столь могущественного лекаря с их злейшими врагами не сулила семье Чжан ничего хорошего.

Янь Чуаньюнь мгновенно разгадал этот убогий замысел. Одарив соперника ледяным, полным презрения взглядом, он парировал:

— Этот человек — почётный гость семьи Янь. Я вам не чета, господин Чжан, это вы даже на обычный обед не можете выйти без свиты из своих... дешёвых подстилок.

Разумеется, сопровождавшие Чжан Ячэна молодые люди не были его любовниками — никто в здравом уме не притащил бы в ресторан целую толпу содержанок. Янь Чуаньюнь просто вернул оскорбление, помножив его на два.

Когда Чжан Ячэн брызгал ядом, Сы Уцзюэ даже бровью не повёл. Он стоял с совершенно бесстрастным лицом, сохраняя безупречное, величественное спокойствие. А вот у золотой молодёжи за спиной Ячэна лица вытянулись и пошли пятнами. Эти избалованные сынки богатых родителей привыкли сами безнаказанно смешивать людей с грязью, и подобный отпор стал для них ушатом ледяной воды.

Однако спорить они не посмели. Перед ними сшиблись два настоящих титана Столицы, и лезть под горячую руку отпрыскам второсортных семейств было себе дороже.

Чжан Ячэн позеленел от злости, но не успел он и рта раскрыть, как Янь Чуаньюнь уже повернулся к Сы Уцзюэ и виновато произнёс:

— Простите меня, Божественный доктор Сы. Я не знал, что в это заведение пускают бродячих собак. Из-за этого отребья наш прекрасный обед испорчен. Впредь я буду тщательнее выбирать

места для наших встреч.

Кого именно он приравнял к бродячим псам, объяснять не требовалось.

Лицо Чжан Ячэна перекосило от бешеной ярости.

Сы Уцзюэ со спокойным достоинством кивнул:

— Хорошо, больше сюда не придём. Но ты не принимай близко к сердцу. В конце концов, если бешеных тварей не держат на цепи, они неизбежно выбегают на улицу и лают на людей. Тут уж ничего не поделаешь.

Если колкости Янь Чуаньюня были изящной иронией, то хлёсткий ответ Сы Уцзюэ размазал противника по стенке, не оставив ему ни малейшего шанса сохранить лицо.

Стерпеть подобное Чжан Ячэн, кичившийся своим происхождением и статусом наследника семьи Чжан, просто не мог. Взревев, он замахнулся и с кулаками ринулся на Сы Уцзюэ.

Янь Чуаньюнь резко напрягся, готовый перехватить удар, но чья-то сильная рука мгновенно обхватила его за талию и властным движением увлекла назад. Не успел Чуаньюнь опомниться, как обнаружил, что стоит за надёжной спиной Сы Уцзюэ. Кулак Чжан Ячэна даже близко не приблизился к цели: доктор резким, молниеносным движением впечатал подошву ему в грудь. Сила удара была такова, что несостоявшийся боец отлетел на добрых три метра назад, с грохотом пересчитав спиной несколько столов и стульев.

Посетители ресторана онемели от изумления; где-то в углу испуганно пискнула официантка.

Прятели Чжан Ячэна впали в ступор. Лишь когда с пола раздался истошный, полный боли вой их предводителя, они опомнились и гурьбой бросились поднимать его.

Сердце Янь Чуаньюня пропустило удар. «Нельзя допустить, чтобы Чжаны сосредоточили всю свою ненависть на Сы Уцзюэ!» — промелькнуло у него в голове. Выскочив из-за спины доктора, он решительно подлетел к распластанному на полу сопернику и принялся остервенело его охаживать кулаками и ногами.

— Сам напросился, ублюдок! — приговаривал Чуаньюнь, нанося методичные удары. — Ты первый распустил руки, так что теперь не ной, слабак! Иди в спортзал, потренируйся, второй молодой господин Чжан!

Для верности он добавил ещё парочку увесистых пинков под рёбра.

Ярость Чуаньюня была столь неистовой, что никто не рискнул вмешаться. К тому же эти

холёные бездельники по статусу стояли куда ниже наследника великой семьи Янь, и связываться с разъярённым Чуаньюнем им совершенно не хотелось.

Наконец задыхающийся от боли Чжан Ячэн прохрипел:

— Идиоты!.. Чего стоите?! Бейте его!

Только тогда молодые люди нехотя ринулись вперёд. Но всерьёз калечить Янь Чуаньюня они трусили, поэтому тот устроил настоящее шоу. Словно разъярённый тигр, он в одиночку раскидал всю эту компанию, уложив их на лопатки. В процессе потасовки Чуаньюнь ухитрялся улавливать моменты, чтобы отвесить Чжан Ячэну новые пинки и смачно приложиться кулаком по его физиономии.

Самое странное заключалось в том, что стоило какому-нибудь нападающему замахнуться на Чуаньюня, как его руку пронзала внезапная, парализующая боль. Человек на миг застывал, и этого мига Янь Чуаньюню хватало с лихвой, чтобы отправить бедолагу в нокаут. В результате этого неравного боя Чуаньюнь отделался лишь растрепавшейся причёской. На нём не осталось ни единой царапины!

Кто-то из перепуганных посетителей вызвал полицию. Прибывший на место наряд возглавлял опытный капитан. Стоило ему разглядеть лица участников драки, как он мысленно проклял тот день, когда решил пойти на службу. Любой из этих избалованных барчуков мог стереть его в порошок одним телефонным звонком! И всё же, соблюдая формальности и спасая авторитет правоохранительных органов, капитан вежливо, но непреклонно попросил всех проследовать в участок.

Разумеется, в самом отделении никто задерживать их не собирался — стоило появиться их адвокатам или влиятельной родне, как их тут же отпустили бы.

А уж кто прав, кто виноват и кому оплачивать разгромленный ресторан... Капитан понимал, что лезть в разборки правящих династий Столицы — верный способ лишиться погон. Не убийство ведь произошло, обычная мужская стычка. Пусть решают свои дела сами.

Янь Хань, поскольку процесс его официального возвращения на службу ещё завершался, проводил время дома. Узнав о случившемся, генерал-майор лично сорвался в участок, прибыв туда даже раньше семейного адвоката.

У самых дверей отделения он столкнулся с Чжан Жуйя, которая приехала вызволять своего непутёвого брата.

Глядя на женщину, которая когда-то была его невестой, но в момент беды без колебаний предала его, нанеся подлый удар и ему самому, и его пошатнувшейся семье, Янь Хань не испытывал злости. Равно как и любви. В его душе царил лишь глухое, абсолютное безразличие.

Их помолвка была скорее данью семейным интересам, нежели союзом любящих сердец. Постоянно пропадая в военных гарнизонах, он редко виделся с Жуйя, так что глубоких чувств между ними так и не зародилось.

Для сурового офицера Янь Ханя компания боевых товарищей всегда была понятнее и ближе, чем общество светской дамы.

Её поспешное бегство вызвало у него досаду, но не удивление. Семья Янь тогда катилась в пропасть, и ни один расчётливый человек не стал бы связывать свою судьбу с обречёнными.

И именно поэтому бескорыстная помощь Сы Уцзюэ, протянувшего руку тонущей семье в самый мрачный час, навсегда сделала его величайшим благодетелем семьи Янь. Семья была готова стереть в порошок любого, кто посмеет проявить неуважение к Божественному доктору.

Полностью избавившись от призраков прошлого, Янь Хань при встрече даже вежливо кивнул Жуйя — обычный жест воспитанного мужчины, приветствующего старую знакомую. Разрыв помолвки он уже давно списал в архив былого, не считая это личной обидой.

Все их прежние обязательства сгорели дотла в тот день, когда она вернула кольцо.

Чжан Жуйя, несмотря на редкие встречи в прошлом, хорошо знала характер бывшего жениха. Несколько раз они с Цзян Чао пытались задеть его, но олимпийское спокойствие Янь Ханя красноречиво говорило об одном: она для него мертва. Ему было глубоко плевать на её колкости, на её нового мужа и на неё саму.

Один лишь Цзян Чао, ослеплённый ревностью, никак не мог этого понять, искренне веря, что его брак с Жуйя уязвляет гордость соперника. Но сама женщина горько осознавала: это не так. Всё закончилось в ту секунду, когда она повернулась к нему спиной.

Мужчины семьи Янь славились умением отсекать прошлое раз и навсегда.

И её давно отсекли.

Но сейчас, глядя на его безупречно равнодушное лицо, Чжан Жуйя почувствовала укол невыносимой обиды. Её женское самолюбие бунтовало против мысли, что она стёрта из памяти этого человека без остатка!

Не выдержав, она окликнула его:

— Янь Хань! Подожди.

Он остановился и неторопливо обернулся:

— Слушаю вас.

Жуйя сделала пару шагов навстречу, силясь выдавить непринуждённую улыбку:

— Я хочу извиниться перед тобой за безрассудство моего брата. Ячэн ужасно избалован и часто действует на эмоциях. Надеюсь, ты не примешь это близко к сердцу.

Янь Хань лишь снисходительно усмехнулся:

— Госпожа Цзян, вы ничего не перепутали? Отношения с вашим братом выяснял не я, а Чуаньюнь. Если вы действительно хотите принести извинения, то адресовать их следует моему брату. При чём здесь я? К тому же, полагаю, Чжан Ячэн вряд ли обрадуется вашей самодеятельности. На мой взгляд, в обычной потасовке молодых парней нет ничего трагического. Кто сильнее, тот и навалял сопернику. Обычное дело, не стоит придавать этому такое значение.

Не дожидаясь ответа побледневшей женщины, генерал-майор развернулся и скрылся за массивными дверями полицейского участка.

Чжан Жуйя застыла, чувствуя, как кровь отливает от лица. Это сухое, официальное «госпожа Цзян» полоснуло её по сердцу острее любого ножа.

«Неужели... неужели он мне до сих пор небезразличен?» — с тоской подумала она. Будь это не так, почему внутри всё так болезненно сжималось?

Она упорно гнала от себя мысли о раскаянии, но обмануть собственное сердце было выше её сил. Впрочем, какая теперь разница? Прошлого не воротишь. Она замужем за другим, а для Янь Ханя стала не более чем призраком из прошлой жизни — знакомой чужачкой.

Тем временем Янь Хань вошёл в комнату ожидания и увидел младшего брата. Янь Чуаньюнь удивлённо приподнял брови:

— Брат? Ты-то здесь какими судьбами?

Ради такой мелкой неурядицы вовсе не обязательно было беспокоить генерал-майора — вполне хватило бы дежурного адвоката.

Оценив безупречный вид Чуаньюня, на дорогом костюме которого не помялась ни одна складка, и величественную, словно сошедшую со старинного полотна фигуру Сы Уцзюэ, Янь Хань с облегчением выдохнул.

— Всё в порядке? Не пострадал?

Янь Чуаньюнь весело усмехнулся:

— Ни единой царапины. А вот от холёной физиономии Чжан Ячэна живого места не осталось — разукрасил его под хохлому.

— Раз он сам напросился и первый полез в драку, то получил по заслугам, — равнодушно отозвался Янь Хань. — Чжаны здесь кругом неправы, так что пусть умоются.

Янь Чуаньюнь кивнул. Мосты между их семьями давно сожжены, так что беспокоиться о приличиях не имело никакого смысла.

— Ну что, бумаги подписаны? — спросил Чуаньюнь. — Мы можем идти?

— Идём, — улыбнулся Янь Хань и с уважением посмотрел на Сы Уцзюэ. — Сы Уцзюэ, примите мои искренние извинения за этот досадный инцидент, нарушивший ваш покой.

Сы Уцзюэ лишь бесстрастно качнул головой:

— Пустяки.

У дверей участка Янь Хань, зная о замкнутом характере доктора и его нежелании общаться с кем-либо, кроме его младшего брата, тактично откланялся и уехал по своим делам.

Янь Чуаньюнь с надеждой повернулся к спутнику:

— Сы Уцзюэ, какие у вас планы на вторую половину дня? Вы ведь хотели осмотреться в городе. Удалось закончить дела?

— Ещё нет, — отозвался тот. — А ты возвращаешься в офис?

Янь Чуаньюнь деликатно прощупал почву:

— В Концерне сегодня затишье, моё присутствие там не обязательно. Но если вы предпочитаете прогуляться в одиночестве, я могу просто отвезти вас в нужное место.

Сы Уцзюэ согласно кивнул:

— Было бы славно. Высади меня в центре Южного первого кольца. И поезжай по своим делам, мне провожатые не требуются.

В груди Янь Чуаньюня шевельнулось разочарование, но он подавил его и мягко улыбнулся:

— Договорились. Сейчас отвезу вас.

Машина остановилась у обочины в назначенном месте. Сы Уцзюэ попрощался и вышел. Янь Чуаньюнь с улыбкой помахал ему рукой вслед.

Но стоило автомобилю влиться в дорожный поток, как напускное веселье мгновенно сошло с его лица.

Янь Чуаньюнь крепче сжал руль.

«Он упорно отказывается от моей компании... Неужели я ему совсем не интересен?»

Эта мысль отозвалась в душе глухой, тоскливой растерянностью.

Янь Чуаньюнь раздражённо прикусил губу. На сердце кошкой скребли уныние и досада.

Тем временем Сы Уцзюэ провожал взглядом удаляющийся седан. Лишь когда машина скрылась за поворотом, он неторопливо отвернулся.

В его сегодняшнем списке оставался неохваченным ювелирный рынок, и Божественный доктор намеревался завершить намеченное во что бы то ни стало. Срыв планов всегда вызывал у него глухое раздражение — особенность характера, которую современные врачи, кажется, именовали... синдромом навязчивых состояний?

Впрочем, даже будь это стократная патология, Сы Уцзюэ привык потакать собственным прихотям и ломать себя в угоду чьим-то терминам не собирался.

Особняк в районе Третьего северного кольца

В тихом особняке, затерянном среди зелени Третьего северного кольца, в уединённом кабинете сидела женщина. С её лица не сходило ледяное выражение, а взгляд был прикован к плотной открытке, на которой изящным каллиграфическим почерком было выведено: «Божественный доктор Сы».

Это таинственное прозвище использовали неспроста. Настоящее имя целителя — Сы Уцзюэ — до сих пор оставалось строжайшей тайной, известной лишь самому врачу да верхушке семьи Янь. Даже ближайшие соратники вроде Ян Фаня пребывали в неведении.

А немногие посвящённые из семьи Янь узнали его исключительно из уст Янь Чуаньюня и, разумеется, свято хранили секрет, оберегая его от посторонних ушей.

<http://bllate.org/book/18354/1917851>